

ЗЕРКАЛО НЕДЕЛИ

№ 2 (581) Суббота, 21 - 27 Января 2006 года

КОНРАД АДЕНАУЭР: ОТЕЦ НОВОЙ ГЕРМАНИИ

Олекса ПИДЛУЦКИЙ

Однажды мне, тогда старшекласнику, попала в руки западногерманская пятимарковая монета. Изрезанное морщинами старческое лицо было холодным, почти неживым и в первый миг ассоциировалось с мумией. Я долго рассматривал портрет и почувствовал: лицо излучало огромную внутреннюю силу и уверенность в себе. «Konrad Adenauer» — разобрал маленькие буквы вокруг портрета.

А спустя много лет сотрудница канцелярии немецкого канцлера завела группу журналистов из Центральной и Восточной Европы в кабинет-музей канцлера Аденауэра в дворце Шаумбург в Бонне. Небольшая, даже тесноватая, скромно меблированная комната. Твердый деревянный стул с резной спинкой. Узкий письменный стол, на котором лежал старомодный рыжеватый кожаный портфель, весь покрытый кожаными же заплатками. «Этот портфель был старым уже в 1949 году, когда Аденауэр стал канцлером, — рассказывала немка. — Помощники постоянно просили Старого Конрада разрешить купить ему новый портфель — несолидно, мол, лидеру великой державы ходить с залатанным портфелем. Аденауэр не соглашался: «Да это же настоящее немецкое качество. Здесь поставить заплаточку, там заплаточку, и он еще послужит». Так и пользовался им до самой смерти в 1967-м». Экскурсовод разрешила мне взять в руки исторический портфель. И я на какой-то миг ощутил себя отцом-основателем новой Германии.

За свою долгую, 91-летнюю, жизнь Аденауэр пережил крах трех немецких государств: империи Вильгельма II в 1918 году (просуществовала 48 лет), Веймарской республики в 1933-м (просуществовала 15 лет) и нацистского «Тысячелетнего рейха» в 1945 году (просуществовал 12 лет). В 1949 году он создал четвертое в XX веке немецкое государство — Федеративную Республику Германии. Это государство существует уже более полувека, и решительно ничего не свидетельствует, что его может постигнуть судьба предшественников. Аденауэру и его наследникам удалось стереть с лица своего народа клеймо самой большой угрозы миру во всем мире, которое немцы вынуждены были носить в течение большей части прошлого века. Нынешняя Федеративная Республика — уважаемый и равноправный член европейского и мирового сообщества, обладает мощнейшей в Европе экономикой и обеспечивает своим гражданам одно из высших в мире качество жизни.

Нелегкий старт

5 января 1876 года в семье мелкого судебного служащего Иоганна-Конрада Аденауэра родился третий ребенок — мальчик, которого назвали Конрад-Генрих-Йозеф. Спустя несколько дней Конраду было выписано свидетельство о рождении, в котором значилось, что младенец, так же, как и его отец и мать, является уроженцем Кельна, крупнейшего города индустриального сердца Германии — Рейнской области, католиком, подданным Прусского королевства и Немецкой империи.

Сын пекаря Иоганн-Конрад Аденауэр в возрасте 18 лет вступил добровольцем в прусскую армию и 15 лет прослужил солдатом. В 1866 году в битве с австрийцами под Садовой унтер-офицер 7-го Вестфальского гренадерского полка Аденауэр было тяжело ранен. Потом полгода он лежал в госпиталях, пока наконец не был награжден орденом и уволен в запас в чине лейтенанта. Жизнь пришлось начинать с «чистого листа». Аденауэр устроился писарем в суд в родном городе, а спустя несколько лет вступил в брак с дочерью мелкого банковского служащего Геленой Шарфенберг. Иоганну тогда было уже почти 40, невесте — на 20 лет меньше. За 30 лет работы в суде Аденауэр-старший дослужился до начальника канцелярии суда высшей инстанции города Кельна, был награжден несколькими орденами и получил звание «канцлайрат». С одной стороны — звание не очень высокое, уж никак не «генеральское», с другой — он был единственным на все Прусское королевство канцлайратом, имевшим всего лишь начальное образование. «Это был строгий человек, не слишком симпатичный, но очень ответственный и добросовестный», — характеризовал впоследствии Аденауэра-отца один из его коллег. Абсолютным «монархом» был Иоганн и в своей семье. Жалованье он получал не слишком высокое, никаких «левых» доходов не имел, поэтому содержать жену и пятерых детей было не очень легко. Отец поддерживал в семье строгую дисциплину, культ труда, по несколько раз в неделю вся семья ходила молиться в церковь, совместной молитвой начинали и каждый завтрак, обед и ужин в доме. Все биографы Конрада Аденауэра соглашаются, что отец имел огромное влияние на формирование личности будущего канцлера в его детские и юношеские годы. Многие десятилетия, до самой смерти Конрада в его спальне всегда висела фотография отца.

В 1885 году Конрад поступил в гимназию Святых Апостолов в родном городе. Гимназистом он был старательным, однако звезд с неба не хватало — все девять лет учебы постоянно входил в шестерку лучших учеников класса, но ни разу не был первым.

Во время выпускных экзаменов в гимназии самым сложным считался экзамен по латыни — нужно было перевести немецкий текст на этот древний язык, не пользуясь словарем. И Конраду удалось накануне экзамена узнать, какой именно текст они будут переводить. Аденауэр поделился этой информацией с одноклассниками. В результате все они написали перевод на «отлично» и «хорошо», а выпуск 1894 года стал самым лучшим в гимназии Святых Апостолов за десять лет. Не очень честно? Но ведь результативно!

После гимназии Конрад не продолжит учебу в университете, а пойдет работать, решил отец. Ведь два его старших брата уже были студентами, на учебу третьего просто не хватало денег. Поэтому Аденауэр-старший определил сына стажером в банковский дом Зелигманов — один из солиднейших в Кельне. Однако Конрад проработал всего две недели. Ему все-таки удалось упросить отца позволить учиться дальше. За два с половиной года Аденауэр прошел весь пятилетний курс обучения и закончил Боннский университет с общей оценкой «хорошо», получив звание «младший советник юстиции» — на более продолжительное образование просто не было денег. «Я должен был работать и днем, и ночью, — вспоминал впоследствии Аденауэр. — Ночью страшно хотелось спать, и я ничего не воспринимал. Сперва спасался от сна кофе, но очень быстро у меня на него стало не хватать денег. Тогда я нашел более дешевый способ — разувался и ставил ноги в таз с холодной водой. Сонливость отступала, и я мог учиться дальше».

Карьера Конрада в первые годы по окончании университета складывалась не очень удачно. Его не взяли в армию — еще в университете Аденауэр нажил хронический бронхит, от которого страдал всю оставшуюся жизнь (наверное, сказался «дешевый способ борьбы со сном»). Поэтому устроиться на хорошую государственную должность ему мешали два «крючка» в анкете — не отбыл срочную военную службу, да к тому же еще и католик, что не очень-то приветствовалось в протестантской Пруссии.

Начать собственную адвокатскую практику без опыта работы, связей и денег тоже было невозможно. Долгих четыре года — с 1897 по 1901-й — Аденауэр работал стажером в разных судах и прокуратуре. Все эти годы он не получал никакого жалования и фактически сидел на шее у отца. Наконец в 1901 году Конрад был допущен к экзамену на звание ассессора, который он сдал с оценкой «удовлетворительно» (совсем неплохой результат для католика). Спустя несколько месяцев, уже в 1902 году, 26-летний Аденауэр наконец получил первую оплачиваемую работу в своей жизни — в прокуратуре города Кельна. Тогда же он попросил руки у Эммы Вейер, с которой познакомился за несколько месяцев до того в местном гольф-клубе. Эмма согласие дала, но Конрад получил решительный отказ от ее родителей. Вейеры принадлежали к городской аристократии, а мелкий служащий прокуратуры, получавший все лишь 100 марок в месяц и к тому же происходивший из простонародной семьи, никак не мог, по их мнению, быть достойной партией для Эммы. Однако девушка заявила, что ни за кого, кроме Аденауэра, не выйдет, и в конце концов Вейеры-старшие сменили гнев на милость. 26 октября 1904 года жених и невеста вступили в брак. Быть может, решающую роль в этом сыграло то, что Аденауэр еще за несколько месяцев до бракосочетания взял годичный отпуск в прокуратуре, дабы руководить адвокатской конторой Германа Каузена, который из-за серьезной болезни временно отошел от дел. В этом случае, в отличие от государственной службы, вероисповедание Аденауэра, его подчеркнутое «католичество», стало не минусом, а плюсом, — Каузен был не только адвокатом, но и руководителем кельнской городской организации католической Партии центра.

Господин обер-бургомистр

1906 год оказался переломным в жизни тридцатилетнего Аденауэра. 7 марта он был избран помощником обер-бургомистра Кельна. Несмотря на скромное название, на самом деле это была очень высокая должность — Аденауэр стал одним из 12 городских «министров», возглавил управление магистрата, занимавшееся налогообложением и сбором налогов. Если в прокуратуре он зарабатывал всего лишь 1200 марок в год, то здесь — 6000. Желающих занять это место было чрезвычайно много, но за Аденауэра проголосовали 35 из 37 депутатов городского собрания. Решающую роль в этом сыграли не личные качества молодого юриста, а то, что в собрание входили две основные фракции — католической Партии центра, в которой решающим было слово покровителя Аденауэра — Каузена, и либералов, которую возглавлял... родной дядя супруги Конрада Эммы — Макс Вальраф. Центристы и либералы на какой-то миг отложили свой антагонизм и впервые поддержали одну и ту же кандидатуру. Отец Аденауэра, умерший спустя три дня после триумфальных для сына выборов, успел дать последний наказ: «Помни, Конрад, следующая цель — стать обер-бургомистром».

И Конрад сделал все, чтобы выполнить отцовский завет. Аденауэр очень много работал — его рабочий день начинался в 9 утра и продолжался, как минимум, до 8 часов вечера, а то и до полуночи. Результат не заставил себя долго ждать — уже в следующем 1907 году городской бюджет впервые за многие годы стал бездефицитным, а 22 июля 1909 года Аденауэр был избран первым помощником обер-бургомистра — эдаким городским «премьер-министром». Если же принять во внимание, что новый обер-бургомистр либерал Макс Вальраф считал себя больше политиком общенемецкого уровня, нежели хозяйственником, то 33-летнему Аденауэру пришлось практически самостоятельно руководить одним из крупнейших городов Германии. Жалование Конрада возросло еще в три раза и составляло уже 18 тысяч марок в год. В 1911 году он приобрел земельный участок и построил на нем дом, где и поселился с матерью, сестрой, женой и уже тремя детьми — Конрадом, Максом и Марией. В 1912 году Эмма неожиданно заболела раком. Она долго и тяжело болела, а в октябре 1916 года в возрасте 36 лет умерла.

Но еще за два года до того началась Первая мировая война. Как и подавляющее большинство немцев, тем более консервативно настроенных, Аденауэр поддерживал войну, которая велась «в защиту немецких интересов», «за право немцев на свое место под солнцем». Лишь спустя несколько лет он диаметрально изменил свои взгляды на это событие и изрек: «Первая мировая — плод всеобщей глупости». А пока что он работал по принципу «все для фронта, все для победы». Уже через несколько месяцев после начала войны в Германии начались трудности с продуктами питания. Кроме действительно эффективной работы по взятию на учет и справедливому распределению продовольствия, Аденауэр прославился еще и тем, что дал жизнь «кельнской сосиске», в которой совершенно не было мяса, но содержалось немало сои, и «кельнскому хлебу», состоявшему из смеси кукурузы, ячменя и риса. А еще запретил продавать свежий хлеб — только двухдневной давности. Чтобы меньше ели.

Спустя полгода после смерти Эммы Аденауэра постигло еще одно несчастье — его автомобиль врезался в трамвай, водитель погиб на месте, а Аденауэр сломал нос и лицевые кости, выбил нижнюю челюсть, повредил оба глаза. Ему пришлось пережить несколько операций, после которых скулы стали выше, губы — тоньше, подбородок — острее, а мышцы лица потеряли подвижность. С тех пор и навсегда его лицо стало словно неживым.

А в августе 1917 года Вальраф наконец-то осуществил свою давнюю мечту — переехал в Берлин, став статс-секретарем. 18 сентября, спустя 11 лет после отцовской смерти, Аденауэр выполнил его завет: был избран обер-бургомистром Кельна. В 41 год он стал самым молодым обер-бургомистром в Прусском королевстве и к тому же в одном из крупнейших его городов, автоматически, по должности, вошел в состав законодательного собрания Рейнской провинции и верхней палаты Прусского ландтага.

Осенью 1918 года в Германии, потерпевшей поражение в войне, началась революция. В город Аденауэра прибыл эшелон с революционными матросами из Киля, которые вместе с местными единомышленниками 6 ноября провозгласили в Кельне Вильгельма II свергнутым (на три дня раньше, чем в Берлине). 9 ноября в городе состоялась массовая демонстрация с требованием провозглашения Всегерманской Социалистической Республики. В этот день обер-бургомистр Кельна явился к командиру местного гарнизона генерал-лейтенанту фон Круку с требованием, чтобы гаубичная батарея, стоявшая во дворе его родной гимназии Святых Апостолов, открыла огонь по демонстрантам. К счастью, генерал отверг эту «бредовую идею». Иначе и фон Крук, и Аденауэр едва ли пережили бы этот день.

По условиям перемирия, левый берег Рейна, и Кельн в том числе, включая его правобережные районы, должны были быть оккупированы войсками Антанты. Между тем в Кельне воцарилось двоевластие: Совет рабочих и солдатских депутатов и Комитет общественного блага, созданный Аденауэром. В Кельне до прихода англичан предстояло демобилизовать четыре немецких армейских корпуса с Западного фронта. Еще до прихода первого эшелона революционных солдат Аденауэр, несмотря на противодействие Совета, приказал вылить ночью в Рейн 750 тысяч литров спирта и изрядное количество коньяка. Поэтому демобилизация в Кельне, в отличие от многих других городов Германии, прошла без существенных эксцессов. И заслуга в том — прежде всего Аденауэра. 3 декабря в Кельне был демобилизован последний немецкий полк, а 6 декабря англичане вошли в город. Началась девятилетняя оккупация Рейнланда англичанами и французами.

В это время в Рейнской области возникло довольно мощное сепаратистское движение, всемерно поддерживаемое французами, отстаивавшими создание независимой (а фактически — подконтрольной Парижу) республики с границей по Рейну. Аденауэр не верил, что левое правительство в Берлине что-то сделает для защиты оккупированных территорий, поэтому выдвинул контридею — провозгласить Западногерманскую республику на обоих берегах Рейна, которая должна стать составляющей Германского федеративного государства. Был даже сформирован Оргкомитет по созданию этой республики, и возглавил его Аденауэр. Он вел переговоры с редактором «Кельнише фольксцайтунг» Йозефом Фробергером — главным «мотором» пропагандистской кампании сепаратистов — и даже встретался с прокурором города

Висбадена Адамом Дортемом — платным французским агентом. В конце концов, Дортен в мае 1919 года провозгласил независимость Рейнланда, а когда Аденауэр не поддержал его, «трибунал» сепаратистов заочно вынес обер-бургомистру Кельна смертный приговор. «Этот приговор, — писал впоследствии Аденауэр, — был для меня ценнее любого ордена». Он освобождал его от обвинений в измене родине, попытке расчленить Германию. Наконец, в конце 1919 года в Версале был подписан мирный договор между странами Антанты и Германией. Британцы и американцы не позволили французам оторвать Рейнланд от Германии, и сепаратистский вопрос потерял актуальность.

К тому времени в личной жизни Аденауэра произошли изменения — он вступил в брак с дочерью владельца соседнего особняка Августой (Гусси) Цинссер. Сперва господин обер-бургомистр давал молоденькой соседке советы, как ухаживать за цветами в садике, а спустя какое-то время Гусси сообщила родителям, что Аденауэр «самый умный, самый обходительный и вообще самый-самый-самый мужчина из всех» и она выйдет замуж только за него или ни за кого. Ему было уже 43 года, а ей не исполнилось еще и 24. Родители Гусси так же, как и дети Аденауэра, восприняли эту идею в штыки. Цинссеры даже отправили дочь «в ссылку» к родственникам в Висбаден, но она сбежала оттуда через две недели. Цинссерам пришлось уступить, и 25 сентября 1919 года Аденауэр вторично вступил в брак. Кроме трех старших детей от Эммы, он имел еще четырех детей с Гусси. В 1931 году, когда родился его самый младший сын Георг, Аденауэру было 55 лет.

Удушаемая репарациями союзников Германия в начале 1920-х годов переживала голод и гиперинфляцию. В июле 1923 года доллар стоил 4 миллиарда марок, зарплату немцам выдавали дважды в день — в обед и вечером. После первой выдачи жалованья делали часовой перерыв, чтобы люди потратили заработанное, — к вечеру цены могли вырасти чуть ли не в полтора раза. В это тяжелое время Кельн под руководством Аденауэра имел едва ли не самое лучшее правление в Германии — город не просто выживал, но и развивался. Обер-бургомистр претворял в жизнь два амбициозных проекта: создание зеленого пояса на месте снесенных фортификационных сооружений вокруг города и реконструкция речного порта, с тем, чтобы он мог принимать и морские корабли. Способствовал основанию в Кельне университета, в котором получил звание почетного доктора и с тех пор именовался «доктором Аденауэром». Дважды — в 1921 и 1926 годах — Аденауэру предлагали стать рейхсканцлером. Оба раза он отказывался. Во-первых, ему не нравилась политическая система Веймарской республики: «Единственное спасение для Германии заключается в создании правительства, обладающего почти диктаторскими полномочиями», — писал он. Во-вторых, за пятнадцать лет существования Веймарской республики сменилось 19 кабинетов министров, и Аденауэр хорошо понимал, что может стать канцлером лишь на несколько месяцев, а после отставки возвратиться на пост обер-бургомистра Кельна будет весьма проблематично.

В конце 1920-х жизнь стала налаживаться, но в 1929 году начался Великий кризис. Жизненный уровень немцев снова упал, и на волне социального недовольства к власти устремились две тоталитарные партии — коммунисты и нацисты. Аденауэр крайне отрицательно относился к обеим. Нацистская «Вестдойчер беобахтер» развернула шумную кампанию против бургомистра. Его обвиняли в чрезмерно высоком жалованье и представительских расходах, отпусках в Швейцарии, связях с еврейской общиной. Нацисты начали собирать средства: «Купи пулю для Аденауэра».

17 февраля 1933 года вновь назначенный рейхсканцлер Адольф Гитлер посетил Кельн. Аденауэр демонстративно отправил в аэропорт встречать его своего заместителя, запретил вывешивать на улицах города нацистские флаги, а два уже вывешенных приказал снять. Гитлер пришел в ярость и отказался ночевать в Кельне. 1 марта как председатель прусского Государственного совета Аденауэр выразил официальный протест против «охраны» избирательных участков штурмовиками из СС и СА. А 10 марта он с Гусси вынужден был бежать из родного города — нацисты развязали против него судебный процесс по обвинению в финансовых злоупотреблениях и сепаратизме (за «грехи» 1919 года).

Анабиоз и возрождение

В 57 лет Аденауэр, казалось, стал полным банкротом — ни денег, ни дома (его дом в Кельне был конфискован), ни работы, ни перспектив. Он скрывался то в Берлине, то в отдаленных католических монастырях, а жил на деньги, которые ему передавал его друг Данни Хейнеман — немецкий еврей, имевший американское гражданство и проживавший в Брюсселе. Летом 1934 года нацистскому суду пришлось закрыть дело против Аденауэра ввиду недостатка улик, и ему была назначена пенсия как экс-бургомистру. Семья Аденауэров приобрела дом на берегу Рейна в деревушке Рендорф неподалеку от Бонна. В этом доме Аденауэр прожил 35 лет — до самой смерти.

Аденауэр словно впал в анабиоз. Он не поддерживал никаких контактов ни с новым режимом, ни с антигитлеровской оппозицией, стал эдаким патриархальным добрым дедушкой, выращивал в саду цветы и деревья, а еще занялся... изобретательством. Вот названия некоторых изобретений, которые он пытался запатентовать: «Электрическая щетка-грабли для уничтожения гусениц», «Устранение пыли, создаваемой автомобилем», «Выведение дымохода не на крышу, а в канализацию». Но на самом деле эти долгие 12 лет нацистской ночи стали для Аденауэра годами напряженной внутренней работы. Он разрабатывал новую модель общественно-политического устройства для послевоенной Германии. Христианско-социальную модель, которая бы стала альтернативой как коммуно-социалистическим и нацистским тоталитарным схемам, так и дикому капитализму времен Веймарской республики.

Приближался крах «тысячелетнего рейха». И в начале 1944 года Аденауэр навсегда забросил свои изобретения.

20 июля 1944 года состоялось неудачное покушение на Гитлера. На следующий день был арестован один из заговорщиков, давний друг Аденауэра Йозеф Гиссен. Не выдержав гестаповских пыток, тот назвал десятки своих «соучастников», среди них и доктора Аденауэра. 23 августа экс-бургомистр был арестован и препровожден в концлагерь в Кельне. Гусси удалось узнать, что его имя внесено в список узников, которых должны вывезти на восток. Это означало лагерь смерти и гибель. Поэтому давний друг Аденауэра майор люфтваффе Ганс Шибуш приехал в концлагерь с поддельным приказом о «немедленной отправке заключенного Аденауэра в Берлин для допросов». Аденауэр под фамилией «доктор Вебер» скрылся в маленьком отеле «Нестер Мюле» в горах Гарца. 24 сентября гестаповцы арестовали Гусси. Следователь-«психолог» ее не бил и не пытал — просто посадил в камеру с проститутками. А спустя несколько часов вызвал на допрос и «сочувственно» спросил: «А сколько лет вашим дочерям?» «19 и 16», — ответила Гусси. «Или ты немедленно скажешь, где скрывается твой муж, или твои дочери прямо сейчас окажутся в этой камере!» — закричал гестаповец. И Гусси... произнесла два слова: «Нестер Мюле». Той же ночью к отелю подъехала машина с гестаповцами. Услышав шум, Аденауэр вскочил с постели и с одеждой в руках побежал на чердак в тщетной надежде, что гестаповцы подумают, будто он бежал в лес. Однако они обыскали весь отель и обнаружили Аденауэра, притаившегося за дымоходом. «Ну что ж это вы так, господин бургомистр? В ваши ли годы голышом скакать по чердакам?» — спросил его гестаповец. Гусси отпустили, а Аденауэра отвезли в следственную тюрьму гестапо в Кельне.

4 октября командиру танкового батальона Макс Аденауэру пришло из дома письмо с печальными известиями. Несмотря на тяжелые бои, он получил отпуск «по семейным обстоятельствам» и 2 ноября уже был в главном управлении гестапо в Берлине. «Я и двое моих братьев сражаемся в танковых войсках на Восточном фронте, — сказал Макс гестаповскому генералу. — Как должен чувствовать себя солдат на поле боя, если узнает, что в тылу ни с того ни с сего хватают и арестовывают его старого отца?» Если бы подобный поступок в то время позволил себе советский офицер-орденоносец, его кости сгнили бы на Колыме. Гестаповцы же пообещали разобраться. И 20 ноября 1944 года доктор Аденауэр вышел на свободу.

В первую же ночь после своего освобождения Гусси перерезала себе вены на руках. Ее спасли. Муж вернулся домой и всячески успокаивал жену, убеждая, что она поступила правильно. Однако спустя несколько месяцев Гусси отравилась. Ее снова откачали, тем не менее произошла интоксикация всего организма. Совершенно здоровая до тех пор женщина стала калекой, не хотела лечиться и 3 марта 1948 года умерла.

Социальная рыночная экономика и Новая Европа

15 сентября 1949 года вновь избранный бундестаг только что созданной Федеративной Республики Германии избирал первого канцлера нового государства. Доктор Конрад Аденауэр победил с преимуществом в один голос — за него проголосовали 202 из 402 депутатов. Излишне говорить, что этот решающий голос был его собственным — Аденауэр проголосовал за себя сам. Но до этой триумфальной минуты ему пришлось пройти тяжкий извилистый путь.

В 1945 году немецкая государственность фактически была ликвидирована. Вся полнота власти принадлежала американо-британо-франко-советской Четырехсторонней комиссии, поделившей страну на четыре зоны оккупации. Единства взглядов относительно будущего Германии не было не только между СССР и Западом, но и в лагере западных союзников. Многие в Британии и Франции отстаивали раздел страны на несколько мелких государств, которые никогда бы не дали возможности возродиться немецкой экономической и военной мощи. Французы хотели любой ценой оторвать от Германии левобережье Рейна или хотя бы Саарскую область.

Страна лежала в руинах после массированных бомбардировок, оборудование уцелевших заводов вывозилось на Запад и Восток в счет репараций, в свою очередь в Германию были привезены 12 миллионов немцев с ее восточных земель, отошедших к Польше и СССР, а также из Чехословакии и Венгрии. Эти люди не имели ни жилья, ни работы, ни средств к существованию. Но самым страшным было моральное разочарование. Несмотря на советские мифы, нацистская пропаганда времен Второй мировой базировалась не столько на идее всемирного господства германской расы, сколько на новом, «справедливом» порядке в Европе. Немцы, дескать, освободились от всевластия «плутократов» (прежде всего, конечно, еврейского происхождения), а теперь должны в этом помочь остальным европейским народам, стать их «учителями», идти ради них на жертвы. Об ужасных преступлениях нацистов против человечества большинство немцев не знали, точнее — предпочитали не знать, так же, как советские люди в массе своей «не знали» о преступлениях сталинского режима. Когда же правда стала общеизвестной, миллионы немцев лишились уважения — и к себе лично, и к своей нации в целом. Большинство немцев переживали *zusammenbruch* — «ощущение поражения». Причем далеко не только поражения в войне. Многие поддались коммунистической пропаганде.

Аденауэр предложил христианскую альтернативу. Впервые в истории Германии представителям двух главных конфессий — протестантам и католикам — удалось объединиться в единую политическую партию — Христианско-демократический союз с его баварской «сестрой» — автономным Христианско-социальным союзом. Аденауэр начал создание ХДС летом 1945 года сперва в британской зоне, дальше — по всей Западной Германии.

Во время первых всеобщих выборов в 1949 году блок ХДС/ХСС получил 31 процент голосов, в 1953 году — 45,2%, в 1957-м — 50,2 и только в 1961 году, в конце правления Старого Конрада, которому было уже 85 лет, произошел некий «откат» — «только» 45,3% избирателей поддержали Аденауэра и его блок.

1950-е — начало 1960-х годов и сторонники, и оппоненты канцлера единодушно называют «эрой Аденауэра». В Западной Германии существовала своеобразная «диктатура» канцлера — при том, что все происходило вполне демократично, Аденауэр обладал таким авторитетом и политическим весом, что противиться его решениям не мог практически никто — ни в его партии, ни за ее пределами. Высшим руководящим органом официальной политики фактически стало ведомство федерального канцлера, а не парламент. Через ведомство канцлера

осуществлялся контроль за министерствами, ХДС/ХСС, а через большинство от ХДС/ХСС в бундестаге — и контроль за парламентом.

Политика Аденауэра базировалась на двух китах — социальной рыночной экономике и «новой Германии в новой Европе».

Основы теории социального рыночного хозяйства были изложены Аденауэром и его соратниками в Дюссельдорфских тезисах ХДС/ХСС в 1949 году и с того времени только развивались и уточнялись, не претерпевая принципиальных изменений. Главную идею тезисов Аденауэр сформулировал так: «Капиталистическая система экономики не соответствует жизненным политическим и социальным интересам немецкого народа. Новая структура немецкой экономики должна основываться на учете того факта, что время безграничного господства капитализма ушло». Речь шла прежде всего об увеличении доли рабочих и других лиц наемного труда в «общем пироге», «депролетаризации» трудящихся путем «образования имущества» в руках наемных работников, а также о достойном уровне жизни для безработных и нетрудоспособных.

Первым шагом к этому стало «социальное» жилищное строительство — относительно дешевые дома и квартиры для рабочих за счет бюджета. Следующим — «динамичная» пенсия, которая не только зависела от пенсионного вклада, а возрастала пропорционально увеличению ВВП, социальное страхование по болезни и помощь на детей. Аденауэр поощрял сбережения, предоставляя налоговые льготы вкладчикам сберкасс, повышая процентные ставки по вкладам и выплачивая специальные государственные премии на сбережения. Производилось «рассеяние» акционерного капитала — путем выпуска «народных акций», продаваемых лицам наемного труда по льготному курсу. Для этого были частично приватизированы государственные концерны «Пройссаг», «Фольксваген» и ФЕА. Также поощрялось вложение рабочими части заработной платы в инвестиционные фонды предприятий, на которых они работали.

Только за пять первых лет правления Аденауэра валовой внутренний продукт возрос на 48%, реальная зарплата — на 80%. В мире заговорили о «немецком экономическом чуде». Не снижались темпы и в дальнейшем. К концу 1950-х Германия Аденауэра уже обладала самой мощной и динамичной экономикой в Западной Европе.

Аденауэр вместе со своим французским коллегой Шарлем де Голлем был, пожалуй, наиболее последовательным сторонником европейской экономической, политической и военной интеграции. Положение Старого Конрада усложнялось тем, что в первой половине XX века в Европе разразились две мировые войны и зачинщицей обеих стала его страна. Недоверие к немцам и обида на немцев были еще слишком сильны не только у миллионов рядовых европейцев, но и у представителей политических элит. Даже после создания ФРГ Западная Германия еще несколько лет обладала ограниченным суверенитетом во внешнеполитических и военных вопросах, и стать полностью независимой ей удалось только в 1955 году.

3 декабря 1951 года в Лондоне состоялась тайная встреча Аденауэра с Наумом Голдманом, председателем Всемирного еврейского конгресса. На секретности настаивал именно Голдман — еще слишком свеж был в памяти ужасный Холокост, и встреча с любым немецким политиком, даже ненацистом, могла его скомпрометировать. Голдман высказал желание, чтобы Германия, кроме репараций, которые она выплачивала странам-победительницам во Второй мировой, уплатила еще 1,5 миллиарда долларов евреям: один миллиард государству Израиль и еще полмиллиарда еврейским организациям во всем мире. Даже сейчас это более чем солидные деньги, а тогда, да еще для разрушенной войной Германии, это была вообще астрономическая сумма. Голдман ожидал, что Аденауэр станет торговаться, но тот согласился сразу и безоговорочно. Министры его кабинета, которых канцлер поставил перед фактом, утверждали, что это невозможно, что таких денег просто негде взять, но Аденауэр был непреклонен: «Это еще очень низкая плата за то, чтобы хоть частично вернуть доброе имя Германии». И деньги нашлись.

Кроме того, Аденауэр выбрал для своей страны нелегкую и довольно рискованную роль форпоста западного демократического мира против коммунистической экспансии. Аденауэр отвергал сладкие сталинские обещания об объединении Германии в обмен на нейтральный статус страны, «равноудаленность» ее от Запада и от Востока. Он считал это ловушкой, прямым путем к покорению всей страны Москвой, как это случилось, например, с Чехословакией в 1948 году. «Только включив в себя свободную Германию, — утверждал Аденауэр, — Европа может построить плотину против красного потопа». А еще он говорил: «Мы сегодня знаем, что теперь нужен иной взгляд, нежели тот, который установит новые границы в Европе, изменит их или передвинет. Мы должны границы ликвидировать, чтобы в Европе возникли хозяйственные регионы, которые могли бы стать основанием европейского единства народов». Поэтому Аденауэр по праву считается одним из отцов-основателей и Европейского объединения угля и стали, и Евроатома, и Европейского экономического сообщества, из которых со временем выросло величественное здание Европейского Союза.

Конрад Аденауэр ушел в отставку 15 октября 1963 года в возрасте 87 лет. «За сто лет богатой событиями немецкой истории мы впервые являемся свидетелями того, как человек, длительное время находившийся на вершине власти, оставляет ее не в результате своего банкротства как политика, а по доброй воле, в мире и согласии», — сказал в тот день председатель бундестага Херстенмайер.

Старый Конрад прожил еще четыре года и умер в Рендорфе 19 апреля 1967 года. А один из его преемников, канцлер Гельмут Коль, сказал: «То, что создал Аденауэр, мы хотим не только сохранить, но и развить дальше, в соответствии с принципами, которые он положил в основу христианско-демократической политики». Новое правительство Германии во главе с Ангелой Меркель получит такую возможность.

<http://www.zerkalo-nedeli.com/ie/show/581/52318/>